Угодник да Варлаамий Керетский счастливое плаванье!.. Смотри — неладное что выйдет тебе: поветерья что ли долго не будет, в бурю ли страх обуяет тебя, в великое ли сомнение впадешь и соскучишься крепко — молитву свою Варлаамию Керетскому посылай. Затем он батюшко в наших странах и обитель себе земную восприял. Молись ты ему — пособляет».[26] О преклонении поморов перед Варлаамом пишет в своей вступительной заметке к изданию текста Жития и П. В. Знаменский: «Преподобный Варлаам Керетский — один из самых уважаемых угодников на Севере среди поморских промышленников Терского и Мурманского берега студеного моря. К нему обращаются с молитвою при всех опасностях, особенно при плавании вдоль Терского берега и среди страшных сувоев у Святого Носа».[27] Такое отношение поморов к Варлааму определило и характер чудес в его Житии. Только в одном чуде перед нами типичный житийный мотив — исцеление больного. Три остальных чуда — рассказы о приключениях на море. В рассказах этих Варлаам появляется действительно как святой: «святолепный старец» вдруг возникает перед пораженным взором потерявших надежду на спасение мореходов и помогает им в их беде. Такой поэтический образ в известной мере — штамп для целого ряда житий, в которых есть чудеса, где рассказывается о терпящих бедствие на воде. В самую последнюю минуту святой либо незримо, либо въяве поддерживает тонущего до прихода его спасителей, выносит утопающего из воды на берег, появляется на корабле или перед кораблем и усмиряет разбушевавшуюся стихию. Но в Житии Варлаама Керетского это не статичные, схематические картины, в которых сначала сообщается о терпящих беду, затем говорится о чудесном появлении святого и чудесном избавлении от гибели, а, хотя и краткие, но яркие, живые зарисовки событий. За рассказами о чудесах Варлаама читатель ярко ощущает живую действительность.

Вот как, например, описывается чудо с терпящими кораблекрушение в Житии Стефана Комельского, Гавриил вологодец при жизни святого часто бывал у него и немало пожертвовал в обитель преподобного Стефана. Однажды, уже после смерти святого, когда Гавриил плыл по морю, «внезапу бысть буря ветренняя велика зело, яко и лодии его сокрушитися от волн великих. Людем же всем отчаявшимся живота». Гавриил призывает на помощь бога, Богородицу и всех святых, но «не бысть ему помощи». Тогда, вспомнив Стефана Комельского, он обращается с мольбой к нему: «...помолися, святе, ко господу, яко да избудем от сея страшныя смерти». После этого появляется Стефан и говорит Гавриилу: «Господь услыша моление твое и посла мя избавити тя от потопления». После того как Гавриил спросил явившегося, кто он, и святой поведал себя,[28] то «абие невидим бысть. И тако буря преста и волны пременишася на тихость и бысть ему плавание благополучно ко пристанищу брега, и ко брегу преста».[29] И это описание не лишено драматичности,

---

[26] С. Максимов. Год на Севере. Т I, СПб, 1859, стр 250 (Далее: Максимов).

[27] Знаменский, стр. XV.

[28] Диалог Гавриила со святым должен быть отмечен как яркая деталь чуда, придающая живость этому эпизоду чуда: Гавриил не узнает Стефана «бе бо от страха морскаго усумнеся» и поэтому спрашивает у него, кто он такой А Стефан с некоторым недоумением отвечает ему: «То не веси ли, Гавриле, колико подал в монастырь святаго Николы и мне смиренному?». Но в целом рассказ носит характер типичного житийного чуда.

[29] См.: Житие преподобного Стефана Комельского. Сообщение Хрисанфа Лопарева. Изд. ОЛДП, 1892, стр. 20—21 (Серия «Памятники древней письменности» № 85).